

Наташа Корнеева

ОБРЫВКИ КИНОПЛЕНКИ

рассказы

Наташа Корнеева

Обрывки киноплёнки. Рассказы

«Издательские решения»

Корнеева Н.

Обрывки киноплёнки. Рассказы / Н. Корнеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518742-0

«Обрывки киноплёнки. Рассказы»: Байк шоу и менты, Рябина на коньяке, Трусы на голове, Мальвина, Возрождение, Ничего личного, А мне летать охота, Женька... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-518742-0

© Корнеева Н.
© Издательские решения

Содержание

РАЗНОЦВЕТНЫЙ ЗВЕРЬ	6
ЦИММЕРМАН	7
ТРУСЫ НА ГОЛОВЕ	12
ЕЙ БЫЛО ДВАДЦАТЬ	15
ЛЁШКЕ НА СВАДЬБУ	17
ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА	19
ВСЁ НАЛАДИТСЯ...	21
ВАСЮГАНСКИЕ БОЛОТА	23
МАЛЬВИНА	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Обрывки киноплёнки Рассказы

Наташа Корнеева

© Наташа Корнеева, 2020

ISBN 978-5-0051-8742-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАЗНОЦВЕТНЫЙ ЗВЕРЬ

Я бегаю по комнате. Комната маленькая, но мне кажется большой. И всё в ней большое. А я – маленькая – премаленькая. Но шустрая. На мне тёплые шаровары, свитер и толстые вязанные носки. Мне мешает круглый стол. Он стоит посередине и занимает всю комнату. Приходится пробегать под столом. Это не очень удобно, потому что есть стулья. В комнате много чего лишнего. Например, кровать и диван, а ещё огромный и толстый светлый шкаф. Но в нём есть интересные колокольчики. Если потопать посильнее рядом со шкафом, или попрыгать сильно-сильно, то они начинают звенеть.

Но сейчас я занята серьёзным делом. Я слушаю голос. Он мне давно знаком..Почти всегда он добрый. Но сейчас другой: громкий и резкий. Мне не нравится, поэтому я топаю ногой и слушаю колокольчики.

На полу, рядом со мной, сидит лохматый разноцветный зверь. У него огромные жёлтые глаза, но я не знаю, что такое жёлтые, и поэтому думаю, что у него сразу есть и солнышко, и луна. Мне смешно. Так безудержно смешно, что запрыгиваю на кровать и начинаю подпрыгивать, а она, с каждым прыжком, подбрасывает меня всё выше и выше.

Вдруг по полу побежали белые и холодные облака. Они забрали разноцветного зверя и спрятались под кровать. Я пытаюсь заглянуть туда и отыскать солнышко и луну. Но у меня ничего не выходит. Падаю с кровати на пол. Мне больно, но не плачу. Ищу зверя по комнате. Его нет нигде. Тогда бегу к мохнатому ковру, который стоит от пола до потолка, а за ним, я это знаю точно, живут холодные облака.

Отодвигаю в сторону и вижу коричневую стену с ручкой. Ручка высоко. Я отпускаю ковёр и попадаю в пещеру, узкую и высокую. Мне страшно, но любопытно. Стою какое-то время, потом приподнимаюсь на носочки и пытаюсь ухватить ручку. И тут стена отъезжает в сторону и я вижу много-много белых, холодных облаков. Они лежат повсюду, огромные и красивые. Встаю на них ногами и лечу.

А прямо передо мной лежит на облаках разноцветный зверь и смотрит на меня, но не видит и навсегда улетает далеко далёко... Я плачу.

ЦИММЕРМАН

– Всё! можно выбрасывать. Хотя... Я бы не стал. И даже забрал бы себе, но у меня вся мастерская завалена. А инструмент хороший. Дерево натуральное. Звук какой! Мммм... Но износился бедняга. Вот, смотрите – колки не держат..стёрлись. Надо всё менять.

– Сколько это будет стоить?

– Тысяч семьдесят. Не меньше. Оставьте его. Пусть стоит. Может быть потом как-нибудь...

– Хорошо. Пусть стоит. Знаете, он нам бесплатно достался. Всего год прослужил.

– Старый он. Очень старый. Собран хорошо. Просто замечательно собран. Рояльный звук. Это редкость для пианино. Так что оставьте. Места у Вас хватает. Жаль его...

– Где же мне инструмент искать? Даньке заниматься нужно.

– Посмотрите объявления в интернете. Там, конечно, хлам в основном. Но Вы найдёте. Я знаю. Только без меня не покупайте. Звоните, как что-то наклонится. Посмотрю, проверю состояние. До свидания.

Костя – настройщик от бога. Фортепиано для него – живой организм. Я стояла возле огромного чёрного инструмента, на котором было написано: «Урал». Да, жаль. Надо срочно искать новый. Даньке необходимо заниматься ежедневно. Сын учился в музыкальной школе второй год.

Я открыла ноутбук. Зашла на сайт. Набрала нужную информацию и стала монотонно читать объявления. Хороший инструмент стоит дорого, а денег у меня мало.

«Циммерман. 5000. Срочно. Переезд». Ошарашено, в десятый раз перечитывала я. Не может быть! Шутка? Розыгрыш? Скорее всего, опечатка, забыли нолик дописать. Рука сама потянулась за телефоном. Два часа ночи. Звоню.

– Да? – голос бодрый, добрый.

– Доброй ночи. Извините, – начала я.

– Вы по объявлению? – перебили меня вежливо, но настойчиво.

– Да..

– Пианино продаётся. Циммерман. Состояние отличное.

Я замерла.

– Алло. Вы меня слышите? – голос принадлежал скорее всего пожилой интеллигентной даме.

– Да ...А сколько Вы хотите? – закрыв глаза я ждала ответ.

– Наконец-то мне звонит адекватный человек. Вы в курсе, что такое «Циммерман»? Да? Хорошо! Пять тысяч – это, конечно же, шутка.

– А сколько? – что она тянет? Сказала бы пятьдесят и всё. Пойду другой искать.

– А Вам, зачем пианино?

Странный вопрос. Как это, зачем?

– Играть на нём. Зачем же ещё?

– Не скажите! Мне сегодня уже человек десять позвонили. И знаете что они все говорили? Что сию минуту привезут деньги и купят его. Но я им всем отказала!

– Почему?

– Потому что они его не любят! – в голосе появились грустные нотки.

– Вы для себя инструмент ищите?

– Не. Для сына.

– Очень хорошо! Сколько ему лет?

– Восемь.

– Замечательно! И давно занимается? У кого? Что играет? – вопросы задавались чётко, голос помолодел лет на десять..

Я еле поспевала отвечать. Собеседницу мою интересовало всё. Наконец, она сказала —

– Да. Именно Вам я его и продам. Приезжайте завтра с утра. Нет. Лучше в обед. А утречком отправьте ко мне настройщика.. Он должен проверить обязательно. Записывайте адрес.

– А сколько? – хотела уточнить я.

– Да что Вы всё о деньгах да о деньгах! Договоримся. Возьмите тысяч десять – пятнадцать. Мне хватит. Доброй ночи, – и положила трубку.

Кое-как дожила до утра. В 07.00 – рано? Звоню.

– Да, – Костя не спал.

– Костя, я нашла! Представляете, это чудо какое-то! Мне так повезло, так повезло! «Циммерман». Пятнадцать тысяч! У меня адрес есть. Это в центре, рядом с Вами.

Костя рассмеялся, —

– Да Вы что! И ездить не стоит. Кто-то за Ваш счёт хочет вывезти хлам из квартиры.

– Нет. Не думаю. Дама такая интеллигентная. Странная правда, но кто сейчас нормальный. Костя, пожалуйста, посмотрите.

– Хорошо. Только ради Вас. Диктуйте адрес.

Я ждала звонка. Что он скажет? А вдруг и правда хлам?

– Я не верю в случайности и везение. И в чудо не верю. Вы заслужили это. Всё закономерно. Инструмент отличный! Отличный! Колки новые. Столько лет стоял... Клавиши провалялись, но это ерунда. Сделаю, прокладки поменяю, и ещё лет двадцать пять прослужит. Вы будете брать? Если нет, то я его забираю за сорок тысяч. А хозяйка не продаёт мне, говорит, что он для Даньки. Но если откажетесь, то продаст мне.

– Костя, Костя, остановитесь! Спасибо Вам огромное! Всё, всё! Уже выезжаю!

Я подъехала по записанному адресу. Кирпичная свечка обнесена высоким металлическим забором. Консьержка, охрана. Калитка на электронном замке. Серьёзный домик. Грузчики подъедут через несколько минут. Пообщаюсь с хозяйкой.

Двери открыла высокая и очень старая дама. Совершенно седые волосы уложены просто, но красиво. Платье, брошь, туфли. Да, мне бы так дома ходить.

– Проходите. Я Вас такой и представляла. Обувь можно не снимать.

Квартира огромная. Всюду коробки, сумки. Действительно, готовятся к переезду.

– Вот он. Смотрите.

Передо мной фортепиано. Кто не знает, прошёл бы мимо. Инструмент более чем скромного вида, небольшой, с камерным звуком. Но это инструмент с генами немецкого инженерного и фортепианного искусства.

Хозяйка наблюдала за мной какое-то время. Потом подошла и подняла крышку, —

– Клавиши Вам поднимут. Это недорого. Знаете, какая история у него? Хотите, расскажу?

– Конечно, если не затруднит.

– Мы с мужем в конце шестидесятых были на гастролях в Цюрихе. Прогуливались перед концертом. Заглянули в магазинчик. А там он – «Циммерман». Муж посмотрел и решил купить. У него были рояль и пианино, но почему-то захотел приобрести и этот.

Так что привезли мы его из Цюриха. Дочка скрипачка. Думали пригодиться фоно. Но она уехала. Сейчас я к ней переезжаю. Старая стала. А инструмент жаль. Хочу его в надёжные руки отдать. Пусть живёт.

Я и сама раньше неплохо музицировала, а сейчас пальцы окостенели, как на пенсию вышла. В консерватории нашей преподавала всю жизнь. И муж. С концертами, где мы только не были. Он – скрипач, а я – концертмейстером при нём. Умер.

Так что стоял Ваш «Циммерман» все эти годы. Скучал. Ждал Вас. Забирайте. Сына хватят Вашего и педагог у него от бога.

– Спасибо. Сколько?

– Знаете, я бы его Вам подарила, но мне деньги на переезд нужны. В двенадцать тысяч я уложусь. Есть столько?

– Да. Есть пятнадцать.

– Не надо. Хватит и двенадцати. Сыну купи чего-нибудь. Давай сюда бумажки, – дама протянула обычную картонную крышку от коробки из-под обуви.

Я положила в неё деньги, а дальше...

Хозяйка смотрела мне в глаза неотрывно, словно читала мысли. Перед глазами всё поплыло. Стены стали мягкими и волнистыми, как в кривых зеркалах. Уши заложило. Руки ватные, безвольные, язык не ворочается. Я испугалась. А она всё смотрит и смотрит.

Собрав все силы, я не отводила взгляда и заставляла себя стоять. Откуда-то из далека донёсся голос, —

– А что это ты мне дала?

– Деньги.

– Разве это деньги? Посмотри-ка!

Я не стала смотреть на купюры. Ответила, —

– Да. Это деньги. Двенадцать штук по тысяче.

Дама рассмеялась, —

– Верно! Молодец! Не врёшь. Прости меня. Давай чайку попьём. И вот что. Я тут тебе вещи кое-какие приготовила. Они новые, никто не носил. Тебе в пору будут. Не захочешь носить – отдай кому-нибудь, но не продавай. Поняла?

Я кивнула. От чая отказалась. Приехали грузчики. Унесли «Циммермана» в машину. Дама лично контролировала погрузку. Когда инструмент закрепили по всем правилам, она ушла не прощаясь.

Консьержка проводила её грустным взглядом и подошла ко мне, —

– Забрали значит. Ну и хорошо. Сильно она переживала за инструмент. Надо же, за людей так не переживают. Ох -хо-хо, жалко её. Мужа похоронила, а через два года дочь умерла. Одна она осталась. Старая совсем. Знаешь, сколько ей? Девяносто три годика!

Я ошеломлённо смотрела на собеседницу, —

– Как дочь умерла?! Она к ней собралась переезжать. И вещи упаковала. Денег, говорит, на переезд не хватает. Как же так-то?

Консьержка покачала головой, —

– Так к дочке и собралась. Эх, милая... Вещи все упаковала, что б потом люди не мучились. Она в дом престарелых... квартиру им отдаёт. Да сколько живут в этом доме? Умирать она собралась. Ну, с богом.

С Богом.

ТРУСЫ НА ГОЛОВЕ

– А Гера трусы на голове носит!!! А-ха-ха... Гера, а ты и спишь в трусах? – Корнеша, я тебя убью. Дура!

Восьмой «Д» всей толпой скакал с третьего этажа на первый. Герка бежал где-то в первых рядах. Я свесилась на половину через перила, стоя на площадке третьего этажа. Вообще-то мы с ним жили дружно, но поиздеваться любили. Класс наш насчитывал аж сорок пять бандитов – оккупантов. Пять классов по сорок пять человек! Школа раздавала знания в три смены. Мы учились в третью. А всё потому, что нашу старую и любимую, в которой мы проучились пять лет, закрыли. Старая она была. Во время войны, Великой Отечественной, в ней располагался госпиталь.

Учеников раскидали по соседним средним спец. учреждениям. Мы попали в самое новое. Объединили несколько классов, там мы с Геркой и познакомились, став одноклассниками. Учителя пополнение недолюбливали. Нам приходилось туго, но детки мы были умненькие, дружные, поэтому успеваемость класса радовала родителей и классного руководителя.

А всё решалось банально. Самые «любимые» предметы – алгебра и геометрия. На втором месте – химия, на четвёртом – физика. Одноклассники не то чтобы не хотели делать домашку, а как-то не складывались у них отношения. Поэтому приходили заранее и ждали. Витька и я, которым все эти премудрости давались очень легко, запускали свои тетрадки с разных концов класса, примерно посередине они, тетрадки эти, встречались, класс к уроку был готов. Таким же способом решали контрольные и самостоятельные работы. Главное. чтобы мы с Витькой сидели на разных вариантах, которых было два. Сложностей не возникало.

Конечно, не все поголовно списывали, но большая часть точно. Так мы доучились до экзаменов. Успешно их сдали и Витька остался в школе, а я поступила в Авиационный колледж.

Перед началом учебного года первокурсников припахивали к разнообразной трудовой деятельности, так называемой практике. На самом же деле они мыли, мели, таскали, красили и т. д. Но всегда находилось одно-два «тёпленьких» местечка. Или писать, или рисовать. Вот и сейчас элегантная дамочка, глядя на нас поверх модных очков, тихо спросила, —

– У кого почерк красивый?

Не успела она договорить, как я уже стояла рядом, —

– У меня самый лучший почерк в мире.

– Да? Пошли со мной. Остальные – на кухню. Всё отмыть! – и шустро двинулась по коридору. Я – за ней.

Сижу. Заполняю какие-то карточки и вдруг, вижу в дверном проёме знакомую кучерявую голову, —

– Герка! Ага, Герка, всё трусы на голове носишь?

Герка глянул на меня, подошёл, —

– Корнешка, я тебя точно убью. А ты что здесь делаешь? – он волновался.

– Практику отрабатываю. а ты? —

– И я. А ты не знаешь, где мне Св-158 найти?

– А ты что ли в 158 попал?

– Ага, а что?

Ну, надо же, какие совпадения!

– Да я тоже в ней! Ура! Герка улыбнулся. Приятно, когда в новом незнакомом коллективе есть родная душа.

Проучились мы вместе четыре года. Герка потихоньку фарцевал. Таскал мне по сносной цене всякие классные вещички. Мы с ним даже в одной секции лёгкой атлетики все эти годы занимались. А после защиты диплома Герка должен был год отслужить в армии. И он, этот оболдуй, написал заявление с просьбой отправить его в «горячую точку». Отправили Герыча в Афганистан.

Мы встретились года через два, случайно. Я откуда-то шла, Герка рулил на классной новенькой девятке.

Он честно мне рассказал о своей боевой одиссее. В основном про первый свой бой.

– Не поверишь, Корнеша, они как начали бомбить, стрелять – всё! Я залёг и притворился поребриком. Готов был за любой былинкой спрятаться. Страшно – это не то слово. Понимаешь, смерть, кругом смерть и воняет смертью, и за горло она тебя душит. В общем, пролежал я так до самого конца, пока всё не стихло. Так стыдно было перед ребятами старослужащими. Хоть сквозь землю провалились. А они ржут и хвалят меня. Говорят, мол, молодец, в штаны не наложил и не сбежал. Многие в первом бою бегут и прячутся. А я может и сбежал бы, только у меня ноги не двигались.

Потом, в очередном бою, Герку контузило и его комиссовали. Поболтали мы ещё немного и разбежались по своим делам. Герка вскоре женился на нашей однокласснице. У нас класс оказался очень «дружный» – пять семейных пар организовали.

Долгие годы мы не виделись с Герычем. Я моталась по стране, как бешеная белка. В 2012 году вернулась в родной город. И решили мы с подружкой собрать наш класс. Лето, тепло. Собрались в летнем кафе в роще. Пришли почти все. А Герки с женой не было.

Они появились в самый разгар гулянки. Геру я не узнала. В молодости он был высокий, худой, длинноногий, с кучей кудряшек крутых. Сейчас передо мной сидел крепкий, почти на лысо бритый и абсолютно седой мужик бандитской внешности. Герка сел рядом со мной и рассказал, что после армии подался в бандиты, преуспел на этом поприще, потом подгрёб под

себя сеть кафешек, чем и кормится в данное время. Думаю, что кафешки – это мелочь, но лезть с вопросами не стала. Кафе, в котором мы отдыхали, тоже он курировал.

Потом мы встретились зимой. Отмечали общий юбилей – 50 лет. Герка организовал отдельный кабинет, персонал обращался к нему с особым почтением, закуска и обслуживание – на высшем уровне. Герка грустил. А в конце вечера подошёл ко мне и попросил, —

– Наташка, я семь сорок попросил сыграть, пойдём потанцуешь, а, пожалуйста.

Герка рассказал мне, что несколько лет назад похоронил сына, потом маму и два года назад умер его младший брат от передоза. Отца Геркиного я никогда не видела.

Последняя встреча с Герой произошла летом. Он сам собрал весь класс, пригласил в кафе, которое передал младшему сыну. Весь вечер сидел тихо, пил мало, говорил ещё меньше. Мы с ним толком и не поболтали, так, перекинулись парой дежурных фраз...

Через несколько месяцев раздался звонок, —

– Наташ, ты где? – звонила одноклассница.

– Дома.

– Завтра Геру хороним... Сердце...

ЕЙ БЫЛО ДВАДЦАТЬ

Она была какой-то светлой и очень яркой. Говорила мало. Глаза огромные, синие. Не голубые, а ярко – синие. Золотые волосы коротко подстрижены. Хрупкая, невысокая, угловатая, с повадками мальчишечьими. Но в ней чувствовалась такая силища, такая уверенность в себе, что все девчонки нашей группы буквально заглядывали ей в рот.

Умная, начитанная, высокомерная. Любила хороший, дорогой алкоголь, дорогие сигареты. Одевалась абсолютно безвкусно и даже по-дурачки.

Первый курс экономического университета, а в то время института народного хозяйства. Факультет МТС, что расширялось как материально-техническое снабжение и сбыт.

Народ быстро перезнакомился. На потоке четыре группы по двадцать пять человек. Девчонки, в основном, все после школы, а мальчики взрослые – все отслужили, некоторые успели повоевать. Военной кафедры в институте не было, поэтому вчерашние десятиклассники мужского пола сюда не стремились.

Как и полагается, сотня студентов быстренько рассосалась на группки по интересам. Наташка, а её именно так и звали, собрала вокруг себя наиболее влюблённых в неё девчонок и несколько мальчиков из богатеньких снобов. Компания её часто собиралась у кого-либо на квартире, выпивали, танцевали, ну, и, конечно же, секс. Училась Наташка великолепно.

Один из её пажей несколько раз пытался завлечь и меня в их тёплую компанию. Но я, под благовидными предлогами, отказывалась.

На лекциях Наташка сидела на самом последнем ряду, читала книги, спала, занималась чем угодно, но лекции не слушала и не записывала. Как она умудрялась потом сдавать всё на пятаки – уму не постижимо.

На практических занятиях наоборот, всегда занимала первый ряд, очень активно отвечала на вопросы, сама любила задавать что-нибудь заковыристое, чтобы оставить преподавателя в тупик. Преподы её не любили. А ей было плевать на них.

Весна первого курса. Приближалась сессия. Народ рыскал в поисках лекций, учил, готовил шпаргалки. Наташкина компания веселилась во всю.

Как-то я заметила, что звезда наша сидит на практике тихо, смотрит перед собой в пол, на вопросы не отвечает, никаких подвохов не устраивает. Потерянная такая, отрешённая, тусклая.

Мне стало не по себе. Что-то случилось. С компашкой своей не общается, на пьянки не ездит. Хотела подойти к ней и узнать причину, но постеснялась лезть в душу.

Решила узнать у приближённых, которые продолжали ржать, бухать и пользоваться без зазрения совести Наташкиными знаниями.

Одна из девчонок охотно мне поведала, —

– Наташка-то? Да её клещ укусил. Шла домой с работы вечером и подцепила, – девчонка веселилась непонятно по какой причине.

– А клеща проверили? – мне стало жутко.

– Ага, проверили. Энцефалитный гад. Так что скоро киселя попьём. Всё. Отпрыгалась, – такого цинизма я не ожидала. Вот тебе и подруга.

– Послушай, надо же что-то делать. Она умрёт, если не лечить.

– Так она была в больнице. Сказали, что сыворотка -дефицит, как почувствует себя плохо – сразу к ним.

Я возмутилась таким безразличием, —

– Ты дура что ли? И врачи ваши уроды! Поздно потом будет. Сейчас надо. Сколько времени прошло с момента укуса?

– Да неделя, может две. Да что ты пристала? Сама разберётся Не маленькая. И побежала к своим подружкам.

Наташка сидела бледная, напуганная, одинокая. А я не подошла к ней. Я ведь могла достать эту злосчастную сыворотку. Были знакомые, которым это ничего не стоило. Но не помогла, не попросила, мол, чего я полезу, действительно, сама взрослая.

Вечером Наташка пошла в парк выгуливать собаку. Мама ждала её дома. Долго ждала. Потом отправилась искать.

Она лежала лицом вниз на сухой траве, поводок намотан на руку. Собака выла и рвалась.

Вызвали скорую. Наташку возили почти пять часов по городу.

Ни одна больница брать не хотела. Зачем им труп потенциальный?

Потом пристроили кое-как. Она пролежала в коме трое суток.

Пришла в сознание, на несколько минут, увидела маму.

И умерла. Ей было 20 лет.

ЛЁШКЕ НА СВАДЬБУ

– Давай, давай быстрее. Куда ж ты столько всего набрала? Зачем нам в лесу кипятильник? Убери!

Лёха стоял возле кухонного стола и презрительно смотрел на родителей. А они суетились. Собирали чашки, миски, ложки и прочую ерунду. Он ждал, когда же они свалят. Друзья и подружки уже накупили закуски, выпивки и через часик должны были подтянуться. В предвкушении жаркого вечера, Лёха, как мартовский котёнок, прикрыл глаза и чуть не замурлыкал. Господи, сколько же можно собираться? Давайте, побыстрее уже освобождайте хату.

Родители наконец всё собрали, поцеловали сына и вышли. За ним ещё не захлопнулась дверь, а молодой развратник уже повис на телефоне, —

– Где вы там? Да, да, ушли. Давай шустрее. Девки пришли? Ага. Класс! А водку... Ааа... Ну, жду.

Он хозяйским взглядом окинул квартиру. вроде бы всё в порядке, маманька порядочек навела, жратвы наготовила, так что сейшн будет ок! Минут через тридцать раздался нетерпеливый звонок в двери. Пришла разухабистая толпа. В сумках бряцали бутылки, девчонки хихикали. Жизнь была прекрасна!

– Лёшка дожидаться не мог, когда мы уйдём, — пожилая, грузная женщина тяжело дышала.

– Так и что? Дело молодое. Пусть повеселится. Вот сейчас поедem, наберём папоротника кучу, продадим. Денежки отложим На свадьбу Лёшеньке. А то надумает жениться, а мы не готовы. Нет. Всё о-людски надо, мать.

– Так разве ж я против? Дождаться не могу. Он совсем истаскался по лахудрам своим. Нормальных девок и нет у него. На ком жениться будет?

– Да ты погоди, погоди... Вот у друга его, Генка что ли ...Сестрёнка очень даже.

– Да ты что? Она же на голову выше Лёшки и толще в три раза!

– Так и ладно. Лёшка-то наш мелковат. Вот и пусть породу улучшает. Давай сумку, тяжело тебе. Вон задохнулась совсем. Говорил же, машину один подгоню к подъезду. Чего потащилась?

– Ладно. Не ворчи уже. Осталось дорогу перейти и гараж наш.

– Стой. Красный горит. Подальше, подальше отойди. Мало ли чего. Они сейчас носятся, как ошпаренные.

Лёшкины родители стояли на тротуаре возле пешеходного перехода. Дисциплинированно ждали, когда загорится зелёный свет.

Камаз летел со скоростью, явно превышающей положенные 60 км в час. Вот – вот потухнет зелёный. Надо поднажать и проскочить. Да что это с машиной?! Тормоза! Тормоза!

– Ты смотри что...

Договорить Лешкина мама не успела... Камаз на полной скорости... И всё.

ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Петрович любил выпить. Не просто любил, а был настоящим, закоренелым алкоголиком. И лечению не поддавался. Что только жена не предпринимала. К бабке водила, чаи чудодейственные покупала, торпеды вшивала – всё бесполезно! Петрович пил. Запойно, страшно.

Он был прапорщиком. В дом тащил всё, как в том анекдоте. Пустую тачку, но упру. И руки росли из нужного места. Любую поломку в доме исправлял сам. Не злобный, тихий такой, покладистый алкаш. Компании ему не требовалось. Пил один, сам с собой, без закуски, без рюмки. Пил и всё.

Но иногда вдавались дни трезвости. И тогда Петрович любил ходить в лес, который знал, как собственную квартиру. В темноте, на ощупь, мог выбраться из любой чащи, даже в сильно подогретом состоянии.

У Петровича была дочь, две внучки, обожавшие его. Он их баловал и нежно любил. Мог запросто отдать месячное денежное довольствие, если попросят.

Как-то осенью, в октябре, выдался день без алкоголя. Осень в тех местах великолепная! Тёплая, сухая, сумасшедше яркая, наглая. Вот и захотелось старому алкашу сделать приятное семейству. Он повёз их в лес. Грибы, ягоды, лимонник – этого добра в лесу полно. Места заповедные. Здесь себя вольготно чувствовали амурские тигры, мишки белогрудки, косули и ещё много-много всякого зверья. Имелась у Петровича машина. Но, по причине выпивки, он водить не мог. Хотел, но не мог. На помощь кликнули соседа. Тот с радостью согласился. Загрузились – поехали.

Коли уж такая удача, ехать решил глава семейства подальше, в места глухие, богатые.

Прибыли. Пошли искать лесные сокровища. А они на каждом шагу. Внучки маленькие, далеко от машины с ними не отойти. А Петровичу до зарезу надо по лесу порыскать. Когда ещё такая удача будет?

Вот и оставил он женщин от мала до стара и подался по лесу рысачить. Ружьё взял. Сосед вскоре отстал, устал и вернулся к биваку.

Девчонки возле машины набрали полные лукошки грибов, надрали лимонника. Сели перекусить. На природе аппетит волчий – в ход идёт всё.

Внучки заснули. Мамка с бабкой начали беспокоиться. Прошёл не один час, а Петровича нет.

Подождали ещё. Тишина. Кричать стали. Не отзывается. Начало темнеть. Дочь с соседом пошли искать. Да разве ж они найдут!

До темноты звали, бродили. Даже костры жгли – бесполезно.

Уехали домой, в часть. Подняли по тревоге бойцов. Прочесали лес. Никого. никаких следов. Долго искали. Тщетно. Даже ружьё не нашли. Испарился Петрович.

Егеря, после двухнедельных поисков, обнаружили куски обуви, клочки одежды.

Петровича сожрало зверьё.

ВСЁ НАЛАДИТСЯ...

– Сейчас, сейчас, ещё немножечко и будет готово. Подождите, мои хорошие. Как в школе у вас дела? Она металась по кухне, как профессиональный жонглер управлялась одновременно со сковородой, несколькими кастрюлями, шваброй и стиральной машинкой.

Сейчас у них всё наладилось. Места вон сколько. Танцевать можно. а раньше ютились в двушке. На головах сидели друг у друга. Шутка ли – пятеро детей! Да их двое. Про себя и не думали.

А недавно выделило командование части им пятикомнатную квартиру. Не беда, что комнаты махонькие. Зато у каждого есть свой угол. И дети уроки делают спокойно, и маленькие могут поиграть, да и она с мужем отдохнуть. Только вот отдыхать никак не получается. Муж на службе сутками пропадает, а ей приходится на двух работах денежку добывать. Да, когда-то офицеры хорошо получали. А потом сокращения пошли, денег меньше и меньше и вот уже полгода совсем не выплачивают. В магазинах всё под запись, но не много. А у них такая орава. Прокормить надо, одеть, обуть... Вот и приходится после основной работы идти шваброй махать. Или, как шутит муж, заниматься половой жизнью. Только со шваброй и хватает сил ей заниматься. Доползёшь до кровати и свалишься без рук и ног. Но, ничего, наладится всё.

Дети стали озорничать. Сегодня продавщица из магазина подошла и на ушко, – - Слышь, Люсь, твоя Юлька-то чего учудила. Сегодня поймали её с конфетами. Спрятала в карман и мимо кассы – шмыг. Да ты не переживай так. Все они тырят в этом возрасте. Мы никому не сказали. Поговори с ней дома. Милицией припугни. Девчонка она хорошая.

Да, Юлька хорошая. Помогает и дома по хозяйству, и за мелкими присмотрит, а то и полы помоем за меня на работе. Конфет захотела. Надо бы купить, давно не баловали их сладким.

А младшие тоже хулиганье. В садике жалуются на близняшек. Дерутся, обзываются И где чего нацепляли? Дома таких слов никто не говорит. Устала как я.

На работе стали зарплату задерживать. Хоть волком вой. а что поделаешь? Терпим. Всё образуется. Всё хорошо будет.

Она достала кошелек. Жалкие монетки, несколько бумажек. А ещё дней пятнадцать тянуть до получки. У детей обувь совсем прохудилась, и одежда – обноски. Залатаю, подклею – выкрутимся как-нибудь. А там, глядишь, и мужу выплатят всё. Скорее бы уж. Тяжело. Но ничего, потерпим.

На плите доходил борщ. Она поставила кастрюлю с водой, хотела отварить макароны. Включила конфорку, посмотрела в окно. Снег. Первый снег. Новый год не за горами. Подарки детям надо купить. Ёлку из лесу принесем. Игрушки есть... Она потянулась за макаронами. Что-то кольнуло в груди. ещё раз..Ох, как резко...

Кастрюля с борщом с грохотом опрокинулась на пол. Красная жижа растеклась по полу, крышка лягухой запрыгала, загремела жалобно.

Дети забежали на кухню.

Она лежала на полу, в луже борща, и смотрела в небо, пронзая взглядом серый потолок...

ВАСЮГАНСКИЕ БОЛОТА

Мой двоюродный брат жил в глухой деревне. Тайга. Гиблое место – Васюганские болота. Мишки там серьёзные – бурые. Волки, лисы, кабаны, лоси.

Брат был заядлым охотником и рыболовом. Помню, как меня совсем мелкую он брал на рыбалку. Вставали рано, в четыре утра уже насаживали червей на крючки. Братишка, ему тогда было лет двадцать пять, достал из банки кишашую кучку червяков и запихал себе в рот. Потом доставал по одному – и на крючок. Мне предлагал хранить наживку таким же способом, но я скромно отказалась. Пискарей он жрал сразу же, домой не носил мелочь. Поймает, снимет с крючка, посолит, поперчит рыбёшку и в рот. Жуёт и причмокивает от довольствия.

Любил братишка уток пострелять. Но вот беда, собака его охотничья постарела, а на утку без хорошей собаки – только ноги мочить. И брат приобрёл бог знает где двух щенков сибирской лайки. Назвал их Белка и Бизон. Собаки великолепные! С малолетства натаскивал их. Белка – дерзкая, наглая, резкая. Бизон – рассудительный, мощный, умный, но всегда шёл на поводу у сестрицы.

Сначала брат натаскал собак на уток. Да так здорово! Белка с Бизоном гнали уток на хозяина с двух сторон. А тот целился, стрелял. утки падали, собаки резко бросались за добычей, приносили к ногам охотника. Процесс отработан до мелочей.

Но случилось неожиданное. Однажды брат пришёл с работы, открыл калитку и Весь огромный двор завален перьями. По перьям бегают абсолютно лысые куры и бешено орут вовсе не по-куриному. Белка лежит, а передними лапами крепко держит жертву. Со всей дури дерёт зубами перья и швыряет в стороны. Потом выпускает голодранку и начинает загонять на Бизона добычу. И теперь Бизон ловит курицу и усердно её ощипывает. Куры орут, бабка материться. Куда их теперь? Только в суп.

Брат с горяча отходил бобиков вожжами. Те не издали ни звука, но с тех пор ходить на утку перестали.. Как же братишка потом корил себя, что не сдержался! Поди объясни собакам, что от эту птичку можно гонять, а вот ту – нельзя.

Что делать? Охотничьей собаке без охоты смерть. Пошли на кабанов. Собачки быстро в совершенстве постигли и эту науку. Находили зверя и держали его, пока хозяин с ружьём не подойдёт. Белка одна спокойно удерживала лося.

Не все радовались успехам лаек. Кое-кто завидовал по-чёрному. Даже просил продать Белку. Деньги большие предлагал. Но брат не согласился. Как он друга продаст?

Через некоторое время Бизона отравили.

Белка осталась одна. Стала нервной, злой. В лесу забывала об осторожности и остервенело гоняла зверьё. Лезла на рожон.

Однажды она просто убежала в тайгу и не вернулась.

МАЛЬВИНА

Маринку я знала с рождения. Жили по соседству. На одной улице шанхая. Шанхай – это частный сектор, где проживали рабочие заводов, которые плотным кольцом душили хилые и не очень хибарки. Народ шанхая, особенно молодёжь и оторвы-подростки, был наглым, бес-предельным, но честным. Чужаки заходить к нам боялись, особенно в тёмное время суток. Мы же, девчонки шанхайские, не боялись никого. Нас опекали, защищали и воспитывали. Учили всему, даже брить ненужные волоски.

На нашей улице девчонок насчитывалось штук десять – пятнадцать. Но в сплочённой компашке обитали всего три-четыре. Среди них и мы с Маринкой.

Маринка жила с бабушкой и мамой. Держали её в строгости, но это не помешало ей курить с шестого класса и малевать свою рожицу до сходства с карикатурой. Она была красивой. Маленькая, худенькая, стройная. Копна золотых волос и яркие голубые глаза, размером с блюдце. Училась хорошо. Мамка с бабкой спуска не давали. Конечно же, шанхайские пацаны подкатывали и не раз. Но Маринка отшивала их мягко, умело. Этому ремеслу они же её и научили. Вообще, она была тихой, как омут с чертями.

Так получилось, что после восьмого класса мы с ней оказались в одном учебном заведении, но на разных отделениях. Она выбрала ЭВМ, я- сварочное производство в самолётостроении. Но мы часто пересекались. До поры до времени.

В колледже мы проучились четыре года каждая и потерялись. Я переехала с шанхая в уютную квартирку. Маринка вышла замуж за нашего одноклассника. Парень спортивный, красивый, влюблённый. Но... он категорически не хотел детей. Маринка, я думаю, тоже не горела желанием стать мамой. Предохраняться её то ли не научили, то ли она забыла как, не суть. Важно то, что после многочисленных аборт, детей иметь она уже не могла.

Время шло. Муж её вырос, становился спокойней и настал момент, когда очень-очень захотел стать папой. А жена не может, и не без его участия. Они находили врачей, пытались лечить, но эскулапы разводили руками, мол, чего же вы хотите, не боги мы, сами виноваты.

В семье завелась тоска, обиды взаимные, склоки. Валерка ушёл. Маринка гуляла налево и направо. Молодая, красивая. Денежки бывший мужёк перечислял исправно – жалко ему было непутёвую Маринку. Муж снял ей квартиру. А в ту, где они жили вместе, привёл новую жену. Вскоре у них родился ребёнок, потом ещё один. Счастье омрачала бывшая жена, которая начала пить беспросветно. Контроля не было за ней. Что хотела, то и творила. Тогда мужёк бывший перестал оплачивать квартиру и давать деньги. Раз пропиваешь, значит есть на что жить, значит лишние деньги у тебя имеются. Маринка взвыла. Работать она не привыкла, а погулять любила да и без спиртного обходиться уже не могла. а тут ещё проблемы со слухом начались.

Она скрывала, что почти ничего не слышит. Бабка Маринкина давно умерла, мать постарела. Но решила взять под свой контроль спившуюся дочь. Забрала её к себе. следила, ругала, но Зря. Всё напрасно. Дочь её не слушала, ругалась и пила.

Через тридцать лет после окончания школы мы встретились. Она выглядела хорошо. Немного располнела, но её это не портило. Волосы из золотых превратились в платиновый блонд, яркие глаза выстирали и отжали. В ухе – слуховой аппарат.

Это была встреча одноклассников. я долго отсутствовала, моталась по военным гарнизонам, поэтому новостей не знала, кто и как жил-был тоже. Но нашлись доброжелатели и посвятили меня в проблемы каждого.

– Корнешка, а ты разве ничего про Маришку не знаешь? – Женька, сосед мой бывший по парте и поставщик винила с рок группами, облизнул губы в предвкушении жирной сплетни.

– Не знаю. И не особо хочу, – мне стало противно. Классный же был такой пацан. Зачем он?

– Все знают, а ты не знаешь? Чудеса.

– Слушай, Жека, чё те надо? Отвали, – он начинал меня раздражать.

– Нет. я тебе просто обязан сказать. Еду я недавно, смотрю – на обочине девка стоит. классная. На Жуковке стоит, ты в курсе, кто там стоит на обочине? Ага. Ну, да, кто ж не в курсе. Останавливает меня. Подъезжаю поближе и, знаешь кто это был? Маринка!!! Бля буду, Маринка. Я мимо проехал. Мне как-то не по себе стало. Красивая ведь девка, зачем?

– Женька, ну и что? Ты её осуждаешь, а может быть ей деваться некуда было. Да мало ли какая могла ситуация сложиться. Ты бы остановился да спросил, может ей помощь нужна.

– Ты дура, что ли, Корнеша? Ты совсем не в курсах! Она лет сто уже проституткой пашет. Её и на работу устраивали, а она работать не желает.

– Сам ты дурак. Да пошёл ты, – я направилась к столу.

Ко мне подседа Маринка. Стала жаловаться на свою треклятую судьбу. Что и муж гад, из-за него детей нет, а он бросил. И одноклассники косо смотрят и вообще, жизнь – говно. Затянуло болото, а помочь никто не хочет.

– Слушай, Марин, если тебе так хреново, поехали ко мне. Места хватит, дом большой. Поживи, подумай, – мне хотелось помочь.

– Да, да, спасибо тебе огромное. Только ты без меня не уезжай, ладно? А если буду сопротивляться – прям бери меня за шиворот и тащи, можешь и пенделя дать. Договорились? Только не уезжай без меня, – в глазах Маринки стояли слёзы.

– Конечно не уеду. А ты водку не халкай. Поняла?

– Я не буду. Только не уезжай.

Когда за мной пришла машина, Маринка почти не стояла на ногах. Я подошла, —

– Маришка, поехали. Машина пришла. Вставай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.